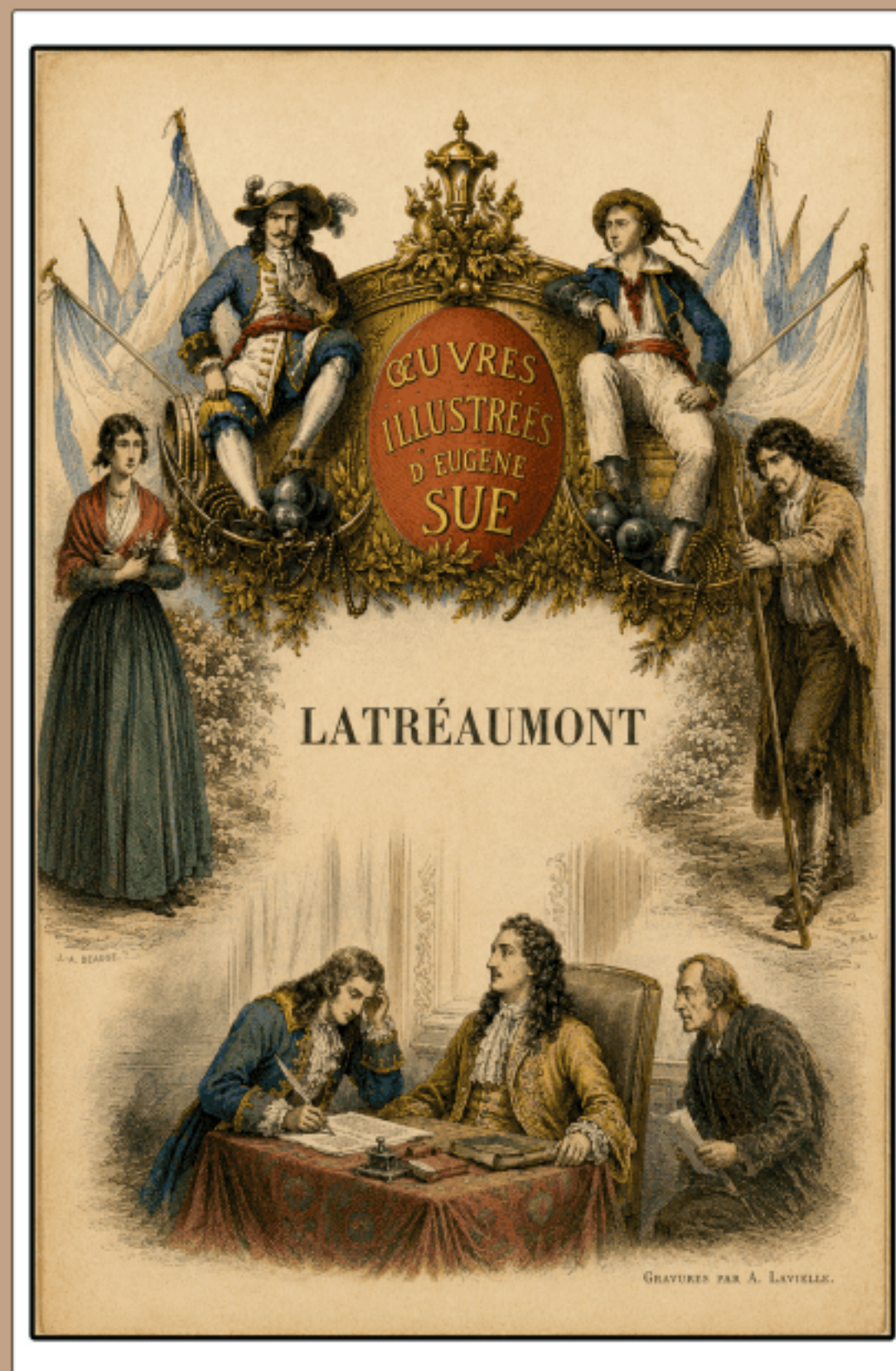

*Перевод с французского Э. П. Оруджова
Печатается в редакции переводчика
Иллюстрации Жана-Адольфа Босе*

© Э. П. Оруджов, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ИП В. В. Мамонов, 2026

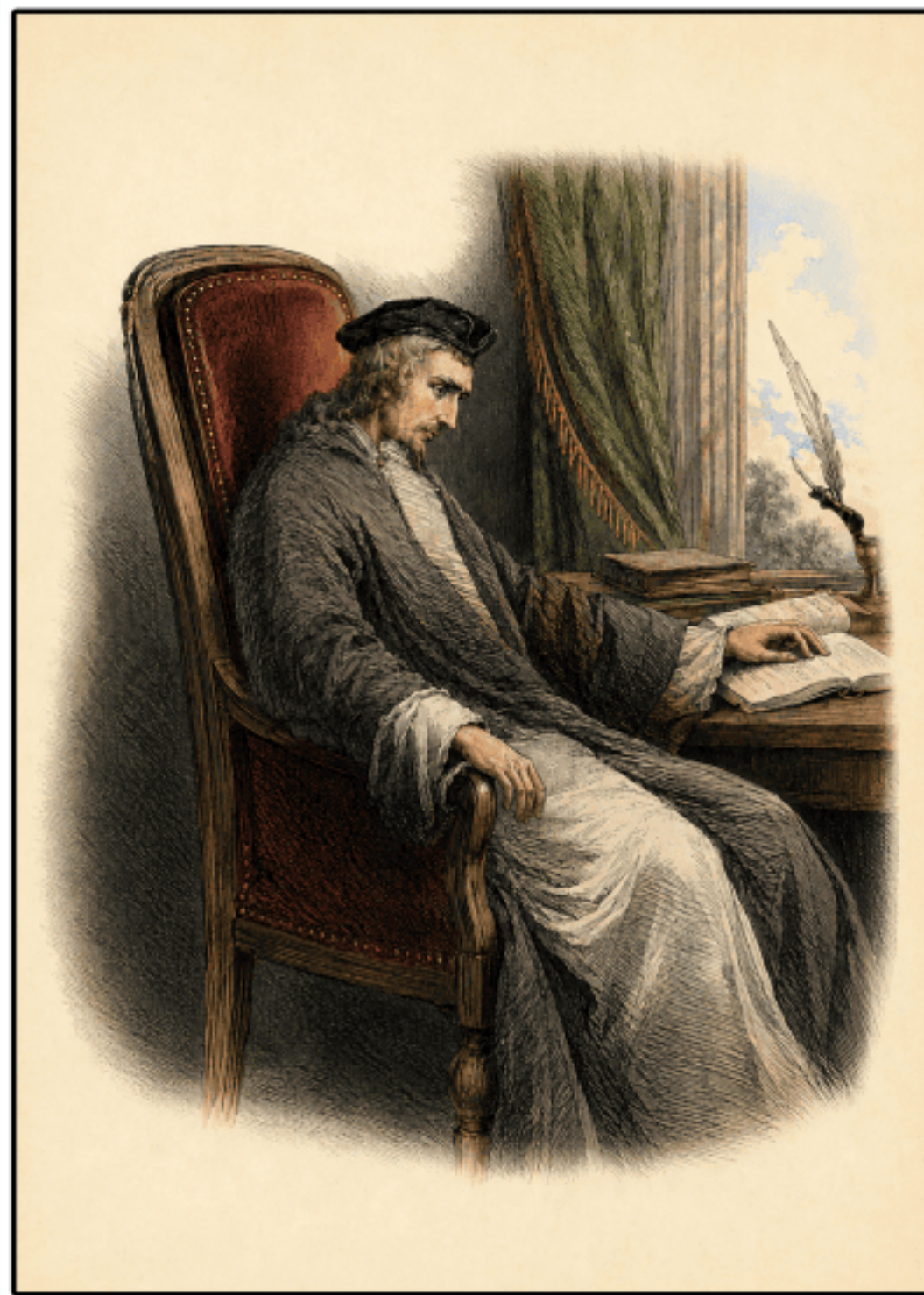

Прегрешения автора

Перед нами разворачивается драма, главным действующим лицом которой является гротескный пройдоха, воплощение жестокого юмора, настоящий монстр как в моральном, так и в физическом смысле. Этот человек, один из самых привлекательных и могущественных сановников при дворе Людовика XIV, поставлен рядом с нищим, суровым голландским старцем — выдающимся мыслителем, блестящим политиком и знаменитым ученым, который обучал Спинозу¹ и состоял в дружбе с Яном де Виттом². Среди персонажей также присутствует особа из высшей аристократии, чья самоотверженность достигает истинного героизма. Рядом с ними появляется юная дама, обладающая

¹ Спиноза (Бенедикт Спиноза) — великий нидерландский философ-рационалист (1632–1677), чьи вольнодумные идеи оказали огромное влияние на европейскую мысль. Упоминаемый в тексте «нищий и суровый голландский старец» — это Аффиниус Ван-ден-Энден, учитель Спинозы и один из ключевых участников заговора. (Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, прим. переводчика).

² Ян де Витт — выдающийся государственный деятель, Великий Пенсинарий провинции Голландия, фактически руководивший республикой до своего трагического убийства разъяренной толпой в 1672 году.

Аффиниус Ван-ден-Энден

Соединенными Провинциями. Вырвавшись после кровопролитной, ожесточенной борьбы из-под деспотического ига Испании и провозгласив себя республикой, они отважно отвоевали свои права.

И хотя подобные рассуждения словно напрашивались на пылкие речи и пламенную жестикуляцию, голос Клары-Марии, звучный и твердый, оставался пугающе ровным и бесстрастным. Глубоко убежденная в непогрешимости проповедуемых максим, она явно презирала мощный арсенал ораторских уловок. Пожалуй, они оживили бы ее речь, но лишили бы ее ледяного величия и торжественной строгости.

Один из слушателей ловил каждое слово молодой женщины с особым, почти тревожным вниманием.

Сидя у самой кафедры, он то и дело обменивался с Ван-ден-Энденом взглядами, полными нежности и восхищения. Всякий раз, когда Клара-Мария высказывала очередную обжигающую патриотическую мысль, ее слова, срываясь с мраморных уст, не теряла ни капли своей мощи... словно кипящая лава, застывающая твердой бронзой.

Этот человек кутался в грубое коричневое сукно. Скромный воротник и небрежная одежда выдавали полное пренебрежение к внешнему виду. Щуплый и невысокий, он едва достиг тридцати лет, но уже облысел, а высокий лоб избороздили ранние морщины. Оливковый цвет лица выдавал еврейское происхождение; нос с горбинкой загибался орлиным клювом; впалые щеки с выступающими скулами, тронутые нездоровым румянцем, кричали о смертельном не-

дуге, которому предстояло вскоре свести его в могилу. Словом, в этом болезненном, рассеянном лице, в этой неуклюжей осанке ничто не выдавало гениального ума и могущественного основателя нового учения... ибо этим человеком был Барух Спиноза!

Клара-Мария невозмутимо продолжала речь, как вдруг благоговейную тишину грубо нарушил хриплый напев, разом рассеяв безмолвное восхищение аудитории. За дверьми школы раздался громоподобный голос, горланящий по-французски припев старой фрондерской песенки:

Сплутовал у самой ямы,
Сплутовал, избегнув срама,
Обманул и палача;
К дьяволу попав в объятья,
Избежал его проклятья:
Душу черт искал, рыча,
Да не поймал он ловкача!

Эти слова, понятные нескольким школярам, повергли аудиторию в оцепенение. Ван-ден-Энден изумленно вскинул голову, а его дочь не смогла сдержать властного жеста негодования.

В эту секунду в Отель Муз ввалился новый персонаж.

шись к грозному министру с привычной наглостью и апломбом, партизан с ходу потребовал полк, добавив, «что, по правде говоря, денег на покупку полка у него нет, но таким людям, как он, следует платить, и платить щедро, по целому ряду причин».

Представьте себе, если возможно, господина де Лувуа — надменного, жестокого, вспыльчивого, привыкшего видеть вокруг лишь трепет и ужас, — выслушивающего подобную просьбу! К тому же просьба была высказана дерзким тоном фанфарона, столь свойственным Латреомону.

Министр побагровел от ярости, гневно тряхнул черным париком и, указав партизану на дверь, ответил:

— Поскольку я знаю ваши маневры в Нормандии, я не только не дам вам ни полка, ни роты, но еще настоятельно рекомендую временно покинуть Францию, если вы не хотите сгнить в Бастилии.

Взбешенный Латреомон погрозил господину де Лувуа рукой, осыпал его угрозами, пообещал поквитаться, изрыгнул поток проклятий и вылетел вон, с чудовищной силой хлопнув дверью.

Вне всякого сомнения, если бы не срочное вмешательство господина де Бриссака, партизана тотчас бы арестовали и бросили за решетку, но министр согласился проглотить оскорбление в обмен на торжественное обещание майора, что этот наглый гладиатор немедленно покинет Францию.

Действительно, в тот же час господин де Бриссак усадил Латреомона в седло, сунул ему несколько пистолетов и добился от него обещания вернуться в

Взбешенный Латреомон погрозил господину де Лувуа рукой.

шведской королевы Кристины, похотливой амазонки, вполне достойной страстных песен Сапфо¹, — виднелась узкая лестница, ведущая в покои фрейлин королевы.

Это жилище именовалось «апартаментами печей»: некогда Франциск I приказал возвести здесь печи немецкого образца².

предательстве (он вел тайную переписку, раскрывая ее политические секреты и насмехаясь над ней), Кристина устроила ему допрос прямо во дворце Фонтенбло, в Галерее Оленей. Когда Мональдески во всем сознался и начал умолять о пощаде, королева, считая себя абсолютным монархом, имеющим право карать своих подданных даже на чужой земле, хладнокровно приказала телохранителям заколоть его шпагами. Это жестокое убийство, совершенное иностранной гостьей прямо в резиденции французского короля, потрясло Европу и вызвало нескрываемый ужас у молодого Людовика XIV.

¹ Сапфо (Сафо) — великая древнегреческая поэтесса (VII–VI вв. до н. э.), жившая на острове Лесбос. Она прославилась своими страстными лирическими стихами и гимнами, воспевающими красоту и чувственную любовь, в том числе влечение к женщинам (от названия ее родного острова и берет начало термин «лесбийская любовь»). Эжен Сю упоминает Сапфо в связке с эксцентричной шведской королевой Кристиной не ради красного словца: Кристина славилась своим презрением к традиционным женским ролям, обожала носить мужской камзол со шпагой и имела весьма недвусмысленные, пылкие привязанности к своим фавориткам (в частности, к прекрасной графине Эббе Спарре). Для галантного, но насквозь гетеросексуального французского двора короля-Солнца подобные античные страсти северной «амазонки» были излюбленным поводом для язвительных сплетен.

² «Апартаменты печей» (*l'appartement des poêles*) — реально существовавшая часть дворца Фонтенбло. Свое необычное

Великий ловчий Франции

А перед ними мчат царицы —
Две королевских кобылицы;
Четыре старых скакуна,
В ком польза, а не стать важна!

— Прелестно! — захлопала в ладоши Олимпия. —
Четыре государственных секретаря и две фаворит-
ки. Яснее ясного.

— А теперь посмотрим, узнаете ли вы портреты, —
лукаво подмигнула Диана.

Известно всем: тот коренник —
Служака опытный, старик,
Что тайны ремесла постиг.
Шагает точно по прямой,
Бежит трусцой на свой манер;
Пройдя с успехом свой карьер,
Шагает точно по прямой,
Ступая твердою ногой.

— Это явно старик Летелье¹, — поразмыслив с

¹ Летелье (Мишель Летелье, 1603–1685) — видный французский государственный деятель, государственный секретарь по военным делам (с 1643 года), а впоследствии канцлер Франции. В отличие от своего невероятно грубого, вспыльчивого и самоуверенного сына — маркиза де Лувуа, которому Летелье постепенно передавал управление армией, — старик славился исключительной осторожностью, методичностью и бюрократической въедливостью. Придворные сатирики часто издевались над его привычкой просчитывать каждый шаг, избегая малейшего риска. Именно эту черту характера блестяще высмеивает песня: Летелье в ней уподоблен осторожной лошади, выверяющей каждый свой шаг с математической точностью

минуту, уверенно заявила Олимпия. — Слишком при-
земленный, чтобы когда-либо упасть.

Диана кивнула и запела дальше:

Второй, хоть первому сынок,
Приземист, тучен и широк,
Но вспыльчив, дерзок и жесток.
Он метит в боевых коней;
Бранит ли Солнце горячей¹ —
Упрямец глух для всех речей.
И в лютом бешенстве своем
Несется слепо напролом!

— Без сомнения, толстяк Лувуа, — отрезала Ма-
ри. — Факт налицо — он позволяет себе немыслимые
грубости с его величеством, а тот, как говорят, пуга-
ется гнева этого гордого Артабана.

Диана продолжала:

Тот третий — хитрый рысачок...
Неясен будет с ним итог,
Он псевдодофинов носил.²
Хоть от подагры слег без сил,
Пожрать и выпить он мастак³
Не зная меры, пьет, чудак...

(«как циркуль»), в то время как его сын Лувуа скачет следом
«необъезженным жеребцом», не разбирая дороги.

¹ В оригинале стоит «*Au soleil qui vitupère*». Слово *vitupérer* — это глагол «бранить, порицать, осыпать упреками» (Солнце, то есть Людовик XIV, отчитывает дерзкого министра).

² Намек на то, что Кольберу было поручено опекать внебрачных детей мадемуазель де Лавальер. (Прим. автора)

³ Его упрекали в пьянстве. (Прим. автора)

